

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАВТРА

МОСКОВСКИЕ писатели приглашали более ста зарубежных писателей, приехавших на фестиваль, в путешествие по каналу имени Москвы. Доухло речной прохладой, поплыли зеленые берега, открылись дали искусственно созданных озер. После оживленной, приукрашенной фестивальной Москвы глаза успокаивали мягкие краски берегов, воды и неба. Но как ни очаровательны были пейзажи, как ни ласкало солнце, писатели, посвятившие свою жизнь одному из самых трудных и самых удивительных искусств — литературе, не могли прекратить напряженные разговоры, начатые на фестивале. Французский писатель и журналист Жан-Пьер Шаброль, который прибыл на фестиваль со своей женой корсиканкой Нозель, вспоминает дни IV фестиваля, когда он мечтал о поездке в Москву.

— Мне трудно поверить, что я в Москве. Москва гораздо грандиознее и удивительнее, чем это казалось издавна, хотя я ждал ее видеть такой.

Немолодой итальянский писатель Томмазо Фьоре говорит быстро и взволнованно:

— Я видел поэзию Москвы. Пожалуй, два поэтических начала характеризуют ваш город. Это поэзия труда; вы умеете работать, и красиво работать. Я это видел сам. И существует поэзия сочетания маленьких, скромных домов с гигантскими феерическими зданиями, которые вы успели построить за последние годы. Я буду писать об этой поэзии, обязательно буду! — говорит Томмазо Фьоре и достает из кармана неизменный блокнот, чтобы сделать какие-то пометки.

Шаброль тихо поет под звуки гитары Ивана-Красного партизанскую песню «Бела чао»:

Я вышел сегодня утром и увидел тебя,
Прощай, дорогая.
Я вышел сегодня утром и увидел
захватчика.

Прощай, дорогая.
И как бы отвечая на эти слова, за девушку поет Шаброль:

Партизан, унеси меня отсюда...
И вновь возвращается партизанский голос:

Я готов умереть,
И если я умру, любимая,
Похорони меня в горах,
Под сенью шестка.
Пусть люди, проходя мимо, скажут:
Какой прекрасный цветок.
Здесь лежит партизан,
Отдавший жизнь за свободу.

Иван Семенович Козловский помогает Шабролю, и мы все вторим им: «Бела чао, чао, чао».

В углу на диване сидит югославский молодой писатель Младен Оляча. Рядом с ним — итальянец Уго Моретти. Они говорят сегодня о прошлом, но думают о будущем. Разговор их замечательен, и его хочется привести полностью:

— Да, я действительно воевал против югославских партизан, — говорит Моретти. — В первые годы войны меня мобилизовали в армию Муссолини. Как солдат, я был в горах. Но я являюсь тебе. Младен, эти руки не убил ни одного югослава.

Розовощекий и широкорунный Младен Оляча крепко жмет руки итальянскому товарищу.

— Не волнуйся, Уго, — говорит он, — зато в моем партизанском отряде было семь итальянских солдат, которые перешли на нашу сторону.

Что может быть удивительнее, чем эта встреча двух людей, которых темные силы пытались когда-то натравить друг на друга, и как хорошо, что из этого ничего не получилось.

— Я чувствую себя очень взволнованным, — говорит болливийский писатель Кальви Монтез. — Меня обнимает

великий народ, построивший мир социализма, несмотря на все трудности, которые вставали на его пути. Как мой народ хочет, чтобы все писатели мира объединились вместе с писателями вашей страны для того, чтобы спасти культуру.

С мнением болливийца полностью согласен С. Усман, негр по национальности. Его роман «Черный докер» и «О, страна моя родная» были написаны на французском языке, но сердце писателя — с народом Африки.

Не один он волнуется за свой поработанный народ. У борта парохода сидит и смотрит на берега писательница Филлис Альтман, которая приехала из Йоганнесбурга, с юга Африки.

— Мой путь лежит через многие страны к вам, в Советский Союз, — говорит она. — Я была на Цейлоне, я была в Китае, и вот сейчас я у вас. Нет слов от сознания того, что вот сейчас по этой спокойной воде, приведенной сюда с Волги, я плыву с моими друзьями так далеко от родины. Даю слово, что я напишу большую книгу об этой поездке.

Ее спутник Ральф Рекнагель приехал из Германской Демократической Республики.

— В России я не впервые, — говорит писатель. — Смотрите. — И он протягивает руку, на которой нет пальца и которая изуродована войной. — Это я получил на Дону, — говорит он. — И этот урок навсегда останется в моей памяти.

Рядом с Корнеем Ивановичем Чуковским сидит молодой, умудренный жизнью писатель. Они разговаривают по-английски. Это Джо Уоллес, канадский писатель. Только что он побывал в гостях в Китайской Народной Республике и вернулся оттуда, до краев переполненный впечатлениями от этой прекрасной и удивительной страны.

— О чем вы написали сейчас? — спрашивает Уоллес.

Художавое лицо его расплывается в улыбку.

— Вы даже не поверите, — говорит он. — Я написал английскую песенку на русскую мелодию «Аты, баты, шли солдаты».

И наростев, с какой-то удивительной теплотой и трогательностью старый человек читает английскую песенку, написанную для самых маленьких.

И мы сидим и думаем о будущем, о времени, в котором придется жить маленьким людям страны, для которых написана эта песенка.

Не затихают разговоры на борту теплохода. Они будут продолжаться и тогда, когда за спиной останется пленительная природа Подмосквы. Они будут продолжаться при встречах писателей всех стран мира в клубах писателей, на концертах, на курсах, в этой кипучей, почти необозримой, быстро текущей жизни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В КАЮТЕ теплохода, плывущего по каналу имени Москвы, на одном диване сидят пятеро: четыре парня и одна девушка. Они говорят по-испански, но каждый представляет разные страны: Гондурас, Перу, Сальвадор, Чили, Парагвай.

Парень из Сальвадора в аккуратно застегнутом костюмчике, худенький, с застенчивой улыбкой, заставил меня не думать об экзотичности страны, из которой он приехал. Он — молодой поэт. Для того чтобы издать книжку стихов, он должен сам хорошо заплатить издатель. Но где взять деньги? Смирный заработок клерка нужен для того, чтобы прожить. Как же издавать стихи?

Девушка с огромными карими глазами кивает; у нас в Перу тоже так. Я вижу в прямых индианских волосах девушки возникшие стрелки седьми. Как они влились в ее юность?

Юноша из Гондураса рассказывает о том, что его соотечественники почти совсем перестали читать стихи. Тревога, неуверенность в завтрашнем дне, усталость души не располагают к поэзии.

Поэтов нужно знать по именам, но я не буду приводить имен своих собеседников в этой заметке.

Бронзовокожий парень с тонкой полоской усиков по краю верхней губы говорит с несвоей улыбкой:

— К моему возвращению может опять произойти какой-нибудь государственный переворот. Может, и в тюрьму попаду. Не знаю, как жизнь сложится...

Мне очень захотелось рассказать об этой встрече и об этом разговоре на теплоходе, плывущем по каналу имени Москвы, нашим молодым поэтам.

В АНГЛИЙСКОЙ девушке Телмы Боттомлей есть близкий друг. Она синеглазая блондинка. «Хорошая пара», — говорят о них по-английски, по-французски, по-русски, по-итальянски, по-немецки, по-китайски, на всех языках мира. На всех языках потому, что Телма и ее друг, вдвоем — на фестивале, на его горячих многоязычных праздниках.

Близкий друг, но еще не жених, — объясняет Телма.

— Почему?

— О, это сложно. Он — с маленького острова, которого не найдешь на карте. Остров — колония. Население ненавидит колонизаторов. Человек, женившийся на англичанке, может навредить на себя проклятия своего народа... Кроме того, и женщины там многие относятся, как к рабыням...

Значит, вы пока не знаете, как сложится ваша будущая жизнь?

Телма смотрит на цветы вокруг, на ликующую молодежь, на золотые лучи прожекторов, скрившихся высоко в темном небе. Как странно звучат среди этого могучего торжества единства и дружбы слова о неуверенности в будущем! Как странно звучат слова о неравенстве женщин!

Телма смотрит на сияющую за деревьями гирлянда окон. Там, в парке, в громадных залах — центр Праздника девушек. Но атмосфера этого праздника — всюду. День девушек,

нависала угроза атомного уничтожения.

Мы слышим песни, призывающие сплотиться добрым и смелым сердцем. Мы видим на экране страшные в своей неумолимой документальной точности кадры кино... И лепет Хиросимы снова стучит в наши сердца.

Мы смотрим на плакаты и — пусть они беззвучны — в их выразительной немоте мы ясно представляем то же слово, которое звучит в песнях, в речах ораторов, выражается четкими жестами танцовщиц с Цейлона, выступающих на эстраде Манежной площади.

Нет! Нет, нельзя позволить хищникам посягнуть на все живое, разумное, справедливое, что есть на земном шаре! И это слово, это мощное отрицание, это «нет» сегодня особенно весомо, так как звучит в устах молодых поборников мира, съехавшихся со всех континентов в столицу свободного мирного государства трудящихся.

Фестиваль молодежи мира, посвященный дружбе, товариществу, борьбе за справедливое сосуществование народов, порождает ясную атмосферу взаимопонимания. Легче дышать становясь людям, слушающим то, что говорится, о чем поется на Московском фестивале. Увереннее смотрят в завтрашний день матери. Спокойнее спит ребятня. И трава как будто бы растет веселее.

На Манежной площади мы вспомнили много горестного и тяжелого. В светлое звучание фестиваля вплелись горькие ноты, ноты скорби, мощные аккорды тоски. Но это страстно, яростно «нет», пропущенное на Манежной площади Москвы, прозвучало одновременно и как могучее утверждение «да».

Да — миру во всем мире!
Да — человеческому счастью!
Да — молодости!
Да — жизни!

Лев КАСИЛЬ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 95 (3751)

Четверг, 8 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

МОСКВА ФЕСТИВАЛЬНАЯ...

«Да» и «нет»

ИХ ПЯТЬСОТ тысяч. Полмиллиона участников митинга. Юноши и девушки всех пяти материков земли, и с ними молодые москвичи направляются по улицам столицы к ее центру. Эти полмиллиона несут в своих сердцах, на своих стягах то, о чем думают миллионы людей всех возрастов, всех стран.

Исполнилась годовщина одной из самых горьких дат в истории человечества. Двенадцать лет назад, в шестой день августа, разорвалась в Хиросиме первая атомная бомба, брошенная на людей...

«Нет!» — говорят плакаты, штыги, стяги, которые несут манифестанты. Нет, Хиросима не должна повториться! Нельзя допустить, чтобы угроза атомных войн, гибельных, опасных для всего живого на планете, продолжала нависать над миром.

Молодежь идет с факелами. Легкое пламя стелется над рядами. Даже этот древний предмет, тысячелетиями являвшийся переносным источником добытого людьми огня, война пыталась опоганить, скомпрометировать, превратить в орудие уничтожения, поджога. Но молодежь очищает факел, стирает с него позорную копыт и снова превращает в символический светозносный знак, источник радостного, призывного света.

Потоки манифестантов стекаются на одну из красивейших площадей Москвы — на Манежную. Здесь, на фасаде старого классического здания Манежа, обращенном к площади, расположились три больших панно. На одном из них могучая рука дала символ атомной войны, злодейскую змею, которая пыталась обвиться вокруг земного шара. На другом панно группа людей, объединенных в одном дружном усилии, сбрасывает со скалы в пропасть танк, который угрожал их жизни, их миру. На третьем — огромным и выразительнейшим панно во весь фасад Манежа — тень атомной бомбы, а во мраке этой страшной тени — развалины многоэтажного разбомбленного дома. И слово «Ние»...

Это известный плакат талантливой польской художника. «Ние» — нет.

«Нет!» — звучит над Манежной площадью, повторяемое на всех языках мира. «Нет!» возникает неслучайно на разных языках в светлом квадрате огромной киноэкрана. «Нет! Нельзя допустить, чтобы это повторилось!» — звучит в речи каждого выступающего с высокой белой трибуны, за которой трепещет целый строй белых флагов, флагов мира, сегодня ставших стягами, зовущими объединиться против атомной войны.

И мы видим на ней, на этой трибуне, японскую девушку — свидетелиню и жертву атомного взрыва. У нее слабый, хрипловатый голос — следствие страшной лучевой болезни. И мы видим, как подходит к японской девушке Любовь Тимофеевна Космодемьянская, мать, воспитавшая двух Героев Советского Союза, павших в великой войне, поднимает и бернито укутывает шалью худенькие плечи девушки.

Мы слышим выступление члена Всемирного Совета Мира Джеймса Эндикотта. Он говорит о своей восьмой внучке, только что родившейся. Он, как и все отцы, как и все деды, не хочет, чтобы над его внучкой

П. МАКРУШЕНКО

выходили на многих языках мира 150 раз!

На отдельном плакате сообщаются интересные данные об изданиях зарубежных авторов в СССР. С 1918 года в нашей стране издано 15970 произведений 1872 авторов. Общий тираж книг 487 710 000 экземпляров.

Фотографии рассказывают

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДНИ открылись в Москве выставкой фотографий. В ней принимают участие около тридцати стран. Здесь работы финских и сенегальских мастеров, китайских и кубинских, египетских и корейских, американских и польских...

Как правило, фотографии выставки посвящены жизни простого народа, его будням, горестям и радостям. Правдивость, непринужденность и талантливые технические исполнения отличают большинство работ.

Однако надо заметить, что встречаются и такие работы, цель которых всего-навсего — поразить зрителя. Ничего не говорят фотографии, лишённые смысла, состоящие из одних линий. Но таких, к счастью, не много.

Надолго запомнится фотография китайца Су Цзун-тая, запечатлевшего эпизод, названный им «За водой». Здесь все схвачено точно: фигура с ведром, наклонившаяся над рекой, вода, отражающая свет небес, и берега, уходящие в сумрак. Стефан Качоровский (Польша) сфотографировал велогонщика, забрызганного грязью; спортсмен пытается починить повреждение в камере. Венгер Френц Фехервари схватил любопытный момент: молодые женщины и мужчины в праздничной весенней одежде обнимаются в воздухе, они не успели упасть на землю!

Все эти эпизоды как бы неожиданно выхвачены из жизни. Здесь при съемке раздумывать долго не приходилось. Но, должно быть, потрачено немало дней, прежде чем искомым кадр был найден.

Тротуар. Стена. Дети, прильнувшие к источнику, с наслаждением пьют воду... Это тема фотографии сирийца Дэрвича Малаха. Все здесь в движении. Ничего застывшего, «фотографического»!

Вот, к примеру, снимок Вадима Киврина (СССР) «Встреча героев Брестской крепости». Встретились герои. Обнялись. Крепко прижались друг к другу. Это всего один миг, чудесный миг встречи друзей. Сколько теплоты и человечности в этом снимке!

Бад Френсис (США) сфотографировал двух собеседников, встречающихся где-то на улице, возможно, после митинга. Один из них — на вид рабочий — недоброжелательно слушает человека в шляпе. Не верит ему, не верит! И это ощущение с блеском передал фотограф. Он так и назвал свое фото: «Разошлись во мнениях»...

Многие фотографии технически выполнены блестяще и наполнены большим содержанием. Побывав на выставке, еще и еще раз убеждаешься в том, что возможности фото неисчерпаемы. Документальность может быть выражена средствами настоящего искусства.

Георгий ГУЛИА

Советская книга за рубежом

В ЦЕНТРАЛЬНОМ Доме литераторов открылась выставка книг писателей-москвичей, изданных за рубежом. (О подготовке к открытию этой выставки уже сообщалось у нас в газете).

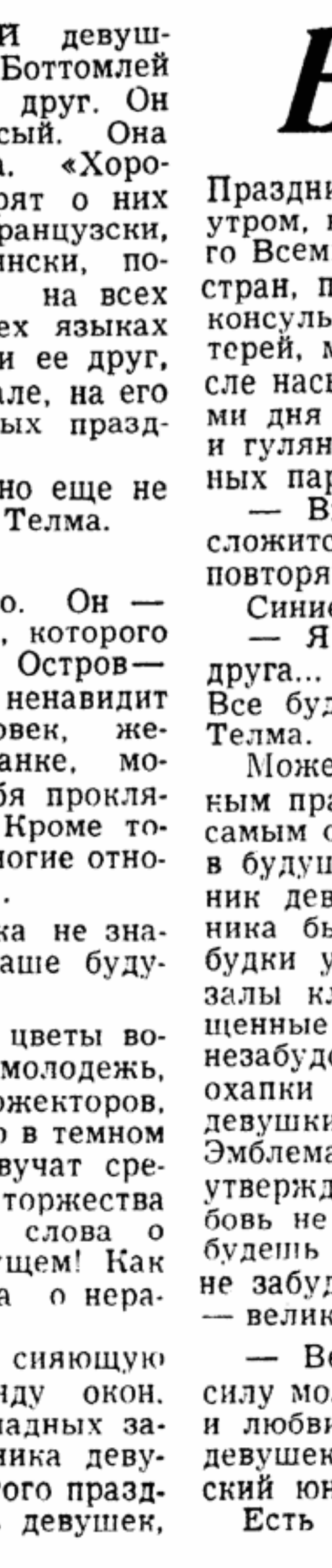
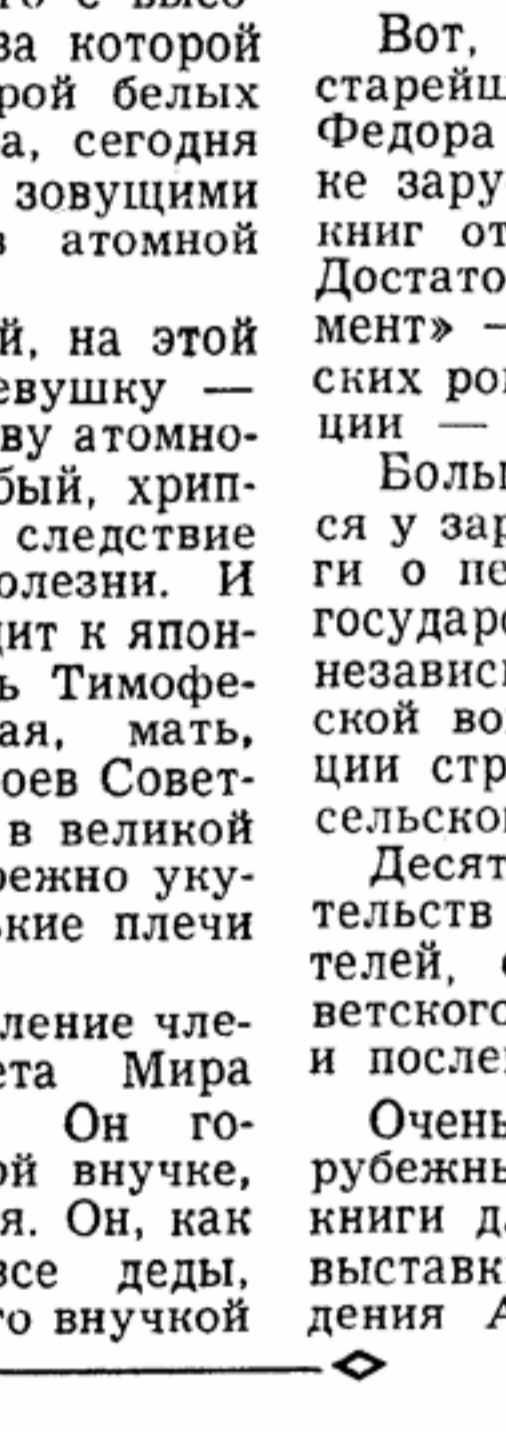
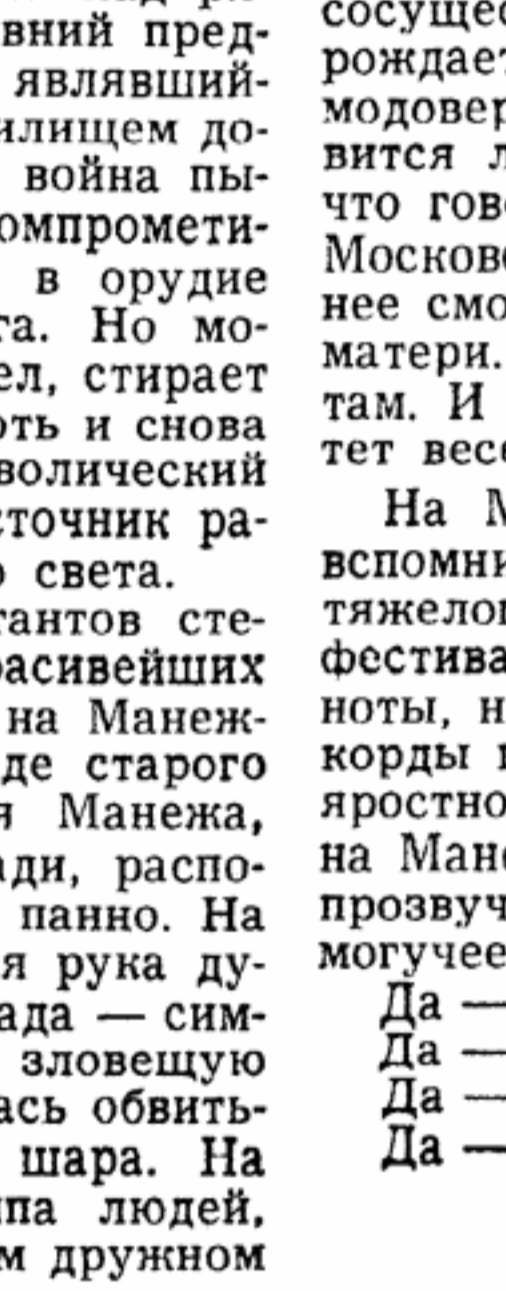
Выставка не является исчерпывающей. Экспонируются книги примерно 250 писателей. А издано гораздо больше. Но и та работа, которая была проделана библиотекой Дома литераторов, представляет исключительный интерес.

Вот, к примеру, творчество старшего советского писателя Федора Гладкова. На выставке зарубежными изданиями его книг отведено большое место. Достаточно сказать, что «Цемент» — один из первых советских романов об индустриализации — выходял более 40 раз!

Большим успехом пользуются у зарубежного читателя книги о первых шагах Советского государства, остоявшего свое независимость в огне гражданской войны, об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Десятки зарубежных издательств выпустили книги писателей, освещающих жизнь советского человека в военный и послевоенный период.

Очень хорошо принимаются зарубежным читателем советские книги для детей. Посетители выставки узнают, что произведения А. Гайдара, например,

Мчатся фестивальные дни. И каждый день полон событий. Вечером шестого августа участники Всемирного фестиваля почтили память жертв Хиросимы и сказали свое единодушное «нет!» поджигателям новой войны. Об этом пишет сегодня в нашей газете Лев Кассиль, а фотокорреспондент А. Беляев запечатлел грандиозное зрелище — факельное шествие на Манежной площади (верхний снимок).

«КАК ЖЕ ИЗДАВАТЬ СТИХИ?»

В КАЮТЕ теплохода, плывущего по каналу имени Москвы, на одном диване сидят пятеро: четыре парня и одна девушка. Они говорят по-испански, но каждый представляет разные страны: Гондурас, Перу, Сальвадор, Чили, Парагвай.

Парень из Сальвадора в аккуратно застегнутом костюмчике, худенький, с застенчивой улыбкой, заставил меня не думать об экзотичности страны, из которой он приехал. Он — молодой поэт. Для того чтобы издать книжку стихов, он должен сам хорошо заплатить издатель. Но где взять деньги? Смирный заработок клерка нужен для того, чтобы прожить. Как же издавать стихи?

Девушка с огромными карими глазами кивает; у нас в Перу тоже так. Я вижу в прямых индианских волосах девушки возникшие стрелки седьми. Как они влились в ее юность?

Юноша из Гондураса рассказывает о том, что его соотечественники почти совсем перестали читать стихи. Тревога, неуверенность в завтрашнем дне, усталость души не располагают к поэзии.

Поэтов нужно знать по именам, но я не буду приводить имен своих собеседников в этой заметке.

Бронзовокожий парень с тонкой полоской усиков по краю верхней губы говорит с несвоей улыбкой:

— К моему возвращению может опять произойти какой-нибудь государственный переворот. Может, и в тюрьму попаду. Не знаю, как жизнь сложится...

Мне очень захотелось рассказать об этой встрече и об этом разговоре на теплоходе, плывущем по каналу имени Москвы, нашим молодым поэтам.

В АНГЛИЙСКОЙ девушке Телмы Боттомлей есть близкий друг. Она синеглазая блондинка. «Хорошая пара», — говорят о них по-английски, по-французски, по-русски, по-итальянски, по-немецки, по-китайски, на всех языках мира. На всех языках потому, что Телма и ее друг, вдвоем — на фестивале, на его горячих многоязычных праздниках.

Близкий друг, но еще не жених, — объясняет Телма.

— Почему?

— О, это сложно. Он — с маленького острова, которого не найдешь на карте. Остров — колония. Население ненавидит колонизаторов. Человек, женившийся на англичанке, может навредить на себя проклятия своего народа... Кроме того, и женщины там многие относятся, как к рабыням...

Значит, вы пока не знаете, как сложится ваша будущая жизнь?

Телма смотрит на цветы вокруг, на ликующую молодежь, на золотые лучи прожекторов, скрившихся высоко в темном небе. Как странно звучат среди этого могучего торжества единства и дружбы слова о неуверенности в будущем! Как странно звучат слова о неравенстве женщин!

Телма смотрит на сияющую за деревьями гирлянда окон. Там, в парке, в громадных залах — центр Праздника девушек. Но атмосфера этого праздника — всюду. День девушек,

нависала угроза атомного уничтожения.

Мы слышим песни, призывающие сплотиться добрым и смелым сердцем. Мы видим на экране страшные в своей неумолимой документальной точности кадры кино... И лепет Хиросимы снова стучит в наши сердца.

Мы смотрим на плакаты и — пусть они беззвучны — в их выразительной немоте мы ясно представляем то же слово, которое звучит в песнях, в речах ораторов, выражается четкими жестами танцовщиц с Цейлона, выступающих на эстраде Манежной площади.

Нет! Нет, нельзя позволить хищникам посягнуть на все живое, разумное, справедливое, что есть на земном шаре! И это слово, это мощное отрицание, это «нет» сегодня особенно весомо, так как звучит в устах молодых поборников мира, съехавшихся со всех континентов в столицу свободного мирного государства трудящихся.

Фестиваль молодежи мира, посвященный дружбе, товариществу, борьбе за справедливое сосуществование народов, порождает ясную атмосферу взаимопонимания. Легче дышать становясь людям, слушающим то, что говорится, о чем поется на Московском фестивале. Увереннее смотрят в завтрашний день матери. Спокойнее спит ребятня. И трава как будто бы растет веселее.

На Манежной площади мы вспомнили много горестного и тяжелого. В светлое звучание фестиваля вплелись горькие ноты, ноты скорби, мощные аккорды тоски. Но это страстно, яростно «нет», пропущенное на Манежной площади Москвы, прозвучало одновременно и как могучее утверждение «да».

Да — миру во всем мире!
Да — человеческому счастью!
Да — молодости!
Да — жизни!

Лев КАСИЛЬ

Взаимная любовь

Праздник девушек начался еще утром, когда участницы Шестого Всемирного фестиваля разных стран, посетили детские сады, консультации для молодых матерей, московские школы. После насыщенного впечатлениями дня бал, концерты, игры и гуляния в одном из чудесных парков и клубов Москвы.

Вы пока не знаете, как сложится ваше будущее? — повторяю я вопрос.

Синие глаза улыбаются.

— Я и Гарри любим друг друга... У нас столько друзей... Все будет хорошо! — говорит Телма.

Может быть, самым поэтичным праздником на фестивале, самым охватывающим, уводящим в будущее, был именно Праздник девушек. Эмблемой праздника были незабудки — незабудки у входа в сверкающие залы клуба, люстры, превращенные в свечящиеся букеты свежескопанных незабудок в корзинах, девушки в голубых платьях... Эмблема праздника, незабудка, утверждала, что настоящая любовь не забывается, что не забудешь настоящего друга и он не забудет тебя, что молодость — великая сила.

— Верой в счастье, верой в силу молодости, в силу дружбы и любви наполнен Праздник девушек. Праздник и Праздник девушек. Она говорила бы не об увечье, нанесенном ей поли-

цией в Токно, а о будущем своей родины, о красоте борьбы за будущее.

Проходя по прекрасным залам праздника, по парковым аллеям праздника, вслушиваясь в слова, всматриваясь в лица, невольно было не заметить, как от встречи к встрече становится все значительней этот вечер.

— Нужно учиться друг у друга! — говорит Хадича Нагар.

...Каждая участница, каждый участник праздника могли бы сказать о себе словами советской поэтессы: «Я жизнь люблю. И жизнь меня, наверно, любит тоже».

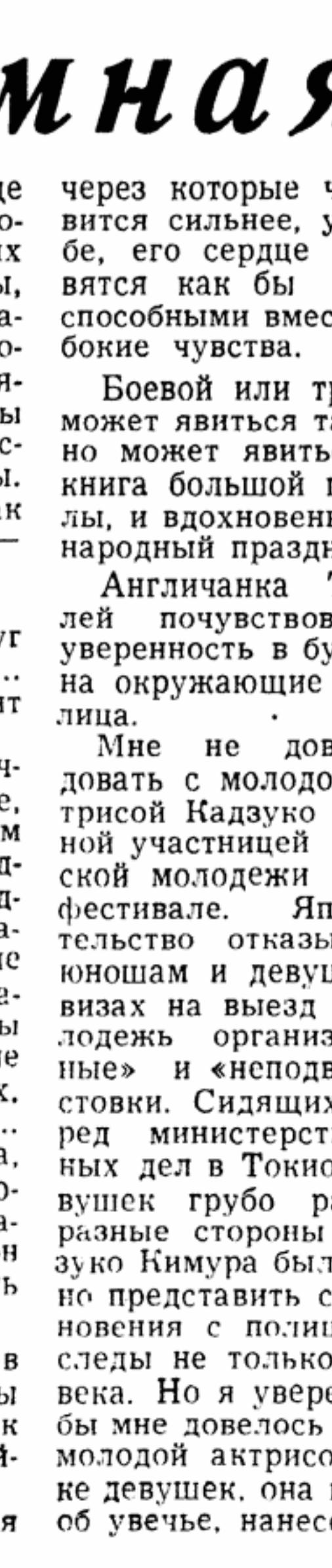
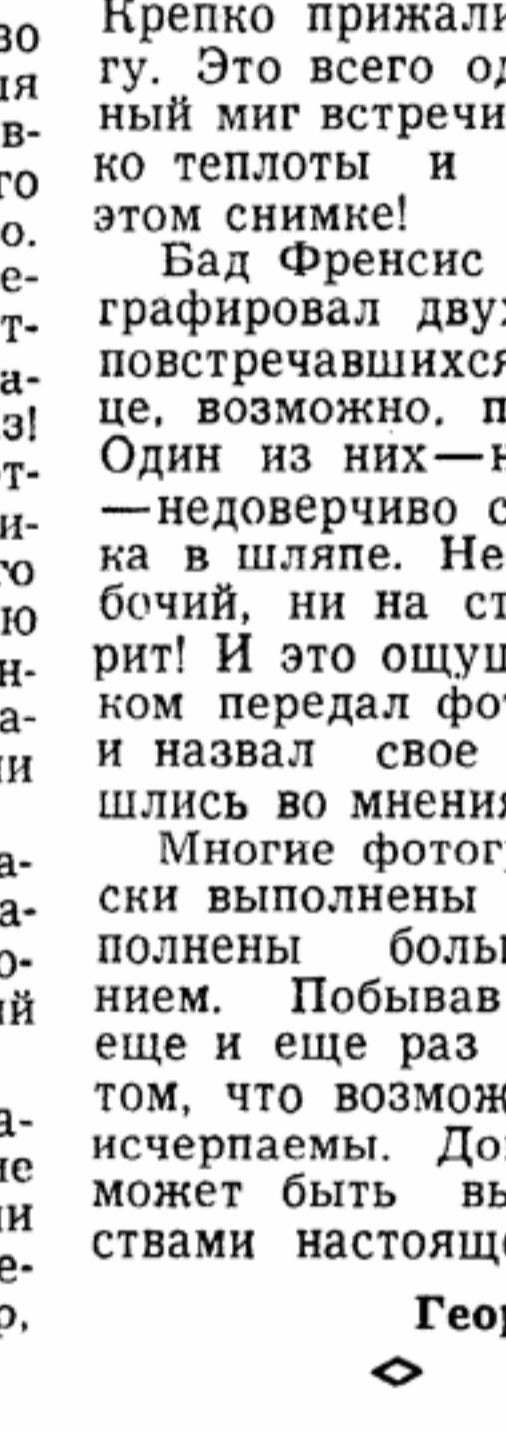
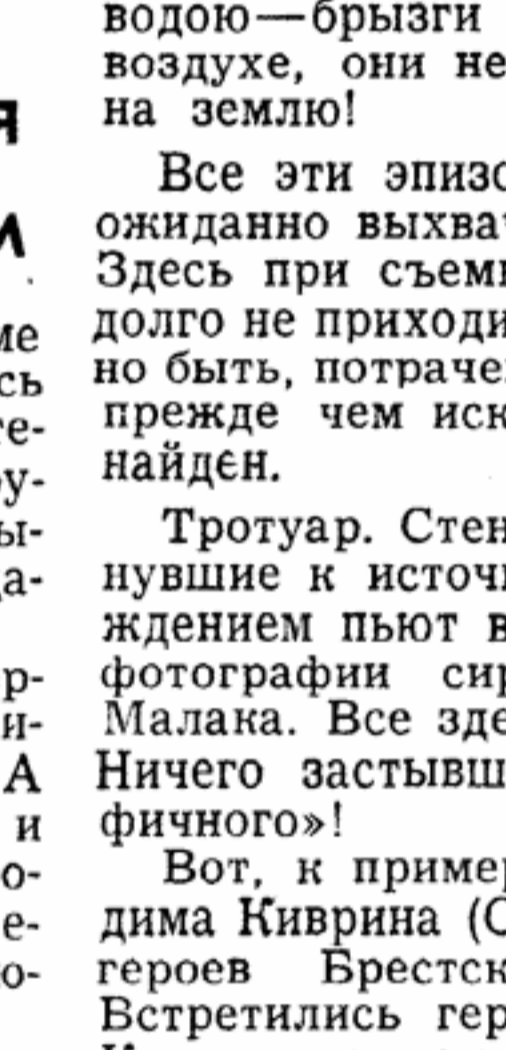
На фестивале, на всемирном празднике молодежи, расширяются и углубляются понятия. И выражение «взаимная любовь» становится применимым не только к влюбленным!

А когда уже опустели залы, представители старшего поколения, те, кому советский народ поручил организовать прекрасный Праздник девушек, еще долго стояли под листвами незабудки, глядя в сина на пришедших аллен парка. Четыре месяца готовился праздник. Сколько было придумано и вот сейчас осуществлено, прошло — и выставка мод разных стран, и громадный пирос с сюрпризами, и эти незабудки! Прошел праздник. Еще одна страничка перевернута в календаре фестивала.

Пусть запомнят этот праздник девушки, пусть запомнит его молодежь.

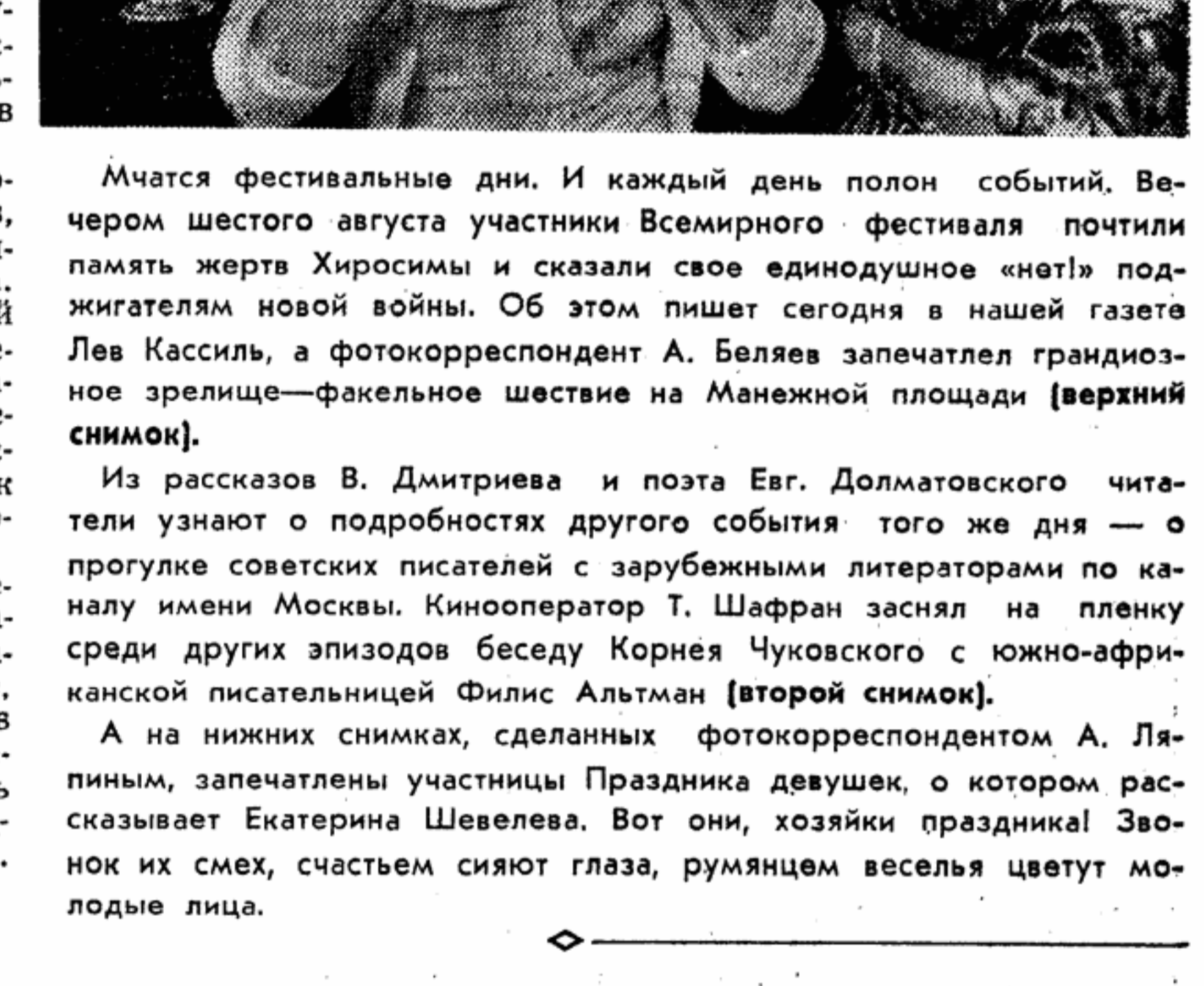
Пусть радуются жизни, любят жизнь, борются за ее красоту!

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Мчатся фестивальные дни. И каждый день полон событий. Вечером шестого августа участники Всемирного фестиваля почтили память жертв Хиросимы и сказали свое единодушное «нет!» поджигателям новой войны. Об этом пишет сегодня в нашей газете Лев Кассиль, а фотокорреспондент А. Беляев запечатлел грандиозное зрелище — факельное шествие на Манежной площади (верхний снимок).

ХРОНИКА ЭТИХ ДНЕЙ

Мчатся фестивальные дни. И каждый день полон событий. Вечером шестого августа участники Всемирного фестиваля почтили память жертв Хиросимы и сказали свое единодушное «нет!» поджигателям новой войны. Об этом пишет сегодня в нашей газете Лев Кассиль, а фотокорреспондент А. Беляев запечатлел грандиозное зрелище — факельное шествие на Манежной площади (верхний снимок).

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«НОВЫЙ МИР» Номер открывается подборкой «Ленинское единство», в которой публикуются отклики писателей И. Макаревича, Б. Лавренева, Л. Ошанина, Л. Никулина на решение июньского Пленума ЦК КПСС.

Под рубрикой «На сороковом году» печатается очерк М. Белкиной «Уд» — о жизни удэгейского народа после Великой Октябрьской социалистической революции.

В журнале — окончание повести А. Былинова «Рота уходит с песней» и фрагмент из повести «Горькая молодость» начинающего французского писателя Макса Лью Галло, присланная им в Мо-

сква в связи с VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов.

Среди поэтических произведений — стихи М. Демина «Магистраль», К. Ваншенкина «Городские костры» и другие.

В подборке «Сорок лет назад» с воспоминаниями об августовских событиях 1917 г. выступают старые большевики Я. Лебедев, И. Гронский, М. Шедрина.

В отделе «Дневники. Воспоминания» публикуется малоизвестная статья Клары Цеткин «Искусство и пролетариат». Здесь же очерк Е. Бродского, написанный по неопубликованному материалу о действиях подпольной организации советских военнопленных в гитлеровской Германии.

Под рубрикой «Перечитывая книги» — статья Е. Стариковой «Виринея» Л. Сейфуллиной. В отделе публицистики статья инженера Г. Ровинского «Об автомателе». В книжном обозрении выступают Е. Ржевская, И. Сельвинский, Н. Грибачев, В. Дятлев и другие.

СТРОИТЕЛЬ—ВРАГ ВОЙНЫ

В БОЛЬШОМ зале Политехнического музея моем соседом по скамье оказался крепкий светловолосый парень с образом бороды матери на щеке. Разговорился. Он из Западной Германии, из Мюнхена, поэтому имя просит не упоминать. И так уж его, вероятно, ждут по возвращении большие неприятности. Он знал это заранее, и все же не мог не приехать в Москву, а в Москве не мог не прийти именно в этот зал, на встречу «самых ярых врагов войны». Я понял, почему он так выразился: в зале Политехнического музея проходила Международная встреча молодых строителей. «А раз ты строитель, значит за мир. Строители, как и матери, поистине главные, истинные враги войны», — сказал мне молодой немец.

Над сценой на голубом полотнище пятнадцать, на разных языках, был повторен лозунг, определявший дух этой, казалась бы, сугубо специальной, профессиональной встречи: «Юности и девушки! Добивайтесь, чтобы ваш труд использовался только для мирных целей!»

Советский парень, электрик Леонид Разувая, приветствовавший гостей, хорошо сказал: «Встрети и знакомства, как добрый цемент, скрепят международную дружбу».

Ораторы, среди которых были голландец и швед, обостренно рассказывали о положении своих товарищей по профессии, о производственных новшествах и непременно о самом важном — об отношении к войне и миру.

Почти у всех разноплеменных делегатов на больших радиоприемниках, дающих возможность слушать перевод речей, лежали раскрытые записные книжки. О эти фестивальные блокноты, испещренные горючими, разбегающимися буквами (так хочется ничего не забыть, ничего не упустить). Вот советский плотник Петя Бруничев записывает цифры из доклада Бураса Фербиона, — сколько гуденов получает его коллега на роттердамских стройках. Вот австриец Вильям Ноль Сендерсон заносит в книжечку сведения о размерах большого строительства в Германской Демократической Республике (он строит детскую клинику в Мельбурне, и его это особенно интересует). А инженер Цю-чен — строит знаменитого двухъярусного Уханского моста через Янцзы — делает заметки о технических успехах шведов.

Мне кажется, что минуты перемены между заседаниями, — это минуты, когда в фойе играет музыка, — самые насыщенные для большинства делегатов. Это время горячих, жадных бесед.

Архитектор из Сантьяго Луис Гарро идет делиться с турками. Он слышал, что в Туркмении будут делаться большие паренки. Чили тоже знает это бедствие. Луис разработал конструкцию безопасных домов и думает: может, она пригодится и Ашхабаду. На страничке блокнота он набросал профиль такого дома. Узбекский художник Исхак Забиров — худенький серьезный юноша в больших очках — все фестивальные дни неразлучен с рослым венгром Юхасом Габором. Разговоры о Мирачуале, где строится уже не первый дом, в Голодной степи совхоз переменяются с другими столь же важными — о строительстве Будапешта, о борьбе венгерских рабочих за спасение своего народного строя от контрреволюции (Юхас — активный участник октябрьских боев прошлого года).

Датчане, негры, китайцы прислушиваются в фойе к рассказу румына Георгу Ценкура о строительстве нового города Онешть, о новой гидроэлектростанции имени Ленина на Вистрице. И тут же, где-то рядом, идет грустный разговор об участившихся катастрофах на итальянских стройках. Каменщик Джордано Донатти говорит: «Предприниматели за счет человеческой крови хотят строить быстро и дешево. Вот в Болонье упал на рабочих контейнер с кирпичом».

— И в Модене был случай — обрушилась стена, — подсказывает Альфиде Векки.

— И в Турине... Кто-то из скандинавов рассказывает о борьбе строителей с предпринимателями за право учиться в вечерней школе. И вслухатый доносчик паренек старается представить себе предпринимателя (понятие для него отвлеченное, туманное, так же как для его собеседника-датчанина — понятие «янтлетка»).

Программа встречи широка. После заседаний в музее — поездка в рабочий клуб на стадион, на строительные выставки, а на следующий день — знакомство с несколькими стройками на окраинах столицы.

Столяр-датчанин Кристиан Бундгорд из города Орхуса, виновато улыбаясь, говорит, что он совсем по-иному представлял себе советскую столицу и не ожидал, что она так ему понравится. Основное ощущение: город растет бурно, очень бурно, удивительно бурно (с редкой у северян горячностью подчеркивал он). Кристиан видел, конечно, в Москве немало старых домов, и ему поэтому особенно ясно, какой громадный путь от старой Москвы к Москве новой пройден за немногие годы. Если так пойдет и дальше... Советские со-

беседники спешат сказать коллеге, что как раз в дни его пребывания в Москве опубликованы постановления Совета Министров СССР, Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза о новом, широком развороте жилищного строительства. Молодой финн Антти Янтти рассказал мне трогательный эпизод. Оказывается, в его стране испокон веков существует у строителей традиция: новый член бригады в первую очередь обязан угостить всех своих товарищей. Так вот, по предложению хельсинкского плотника Мауро Канеро, было решено традицию временно нарушить, чтобы новичок ту тысячу марок, которая должна была пойти на угощение, отдавал в фестивальную кассу. Кроме того, были пущены по рукам подписные листы, устраивались вечера и лотереи, и вот в результате делегация финских строителей — одна из самых больших на фестивале.

Финны довольны поездкой. Один из них, Кауно Нуттинен, говорит, что он многому надеется научиться в Москве, хотя и ему есть чем поделиться с москвичами. Ему кажется, что внутренние отделочные работы у нас ведутся неважно, зато по организации строительства, в частности крупноблочного, москвичи молодцы!

Простая и такая важная мысль о том, что, преградив дорогу войне, сломав проклятые планы разрушителей и убийц, все честные люди на земле смогут жить лучше и счастливее, помогал мне в дни встречи сотни раз. И мне показалась интересной история, рассказанная дородушным богатырем — итальянцем Себастьяном Франческо, секретарем профсоюза строителей провинции Тревино, история о Витторио-Венето. Этот пограничный город «не простой, а исторический»: именно здесь закончилась для итальянцев и первая, и вторая мировые войны. И вот в Витторио-Венето недавно задумано и организовано строительство ИАТО и построит целый военный поселок. Большая радость для итальянского строителя — работа. Но за эту работу люди, измученные поисками куска хлеба, брались неохотно. «Не будем строить дома для врагов!» — заявили они. Но тут вмешался профсоюз и решил по-иному: «Дома строить будем, чем больше домов в Италии, тем лучше! Но добьемся, чтобы в этих домах жили милые мирные люди, росли дети, а не разрабатывались планы убийства и разрушения».

Слуги войны не добоются своего ни в Витторио-Венето, ни в каком другом уголке земного шара. За это должны бороться все честные люди мира.

Илья ЗВЕРЕВ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ „НАШ ВТОРНИК“

НА СЦЕНЕ — индонезийские девушки. Они исполняют песню «Алло, Бандунг», с которой их народ совсем недавно боролся против голландских колонизаторов, поют на русском языке «Широка страна моя родная». А затем в хоре звучит английская песня «Родина, милый родина». Эти песни всем близки и понятны. Они говорят о любви и родной земле, о дружбе, о свободе, о счастье. Индонезийским певцам аплодируют английские писатели, танцовщицы с Кипра, мексиканские студенты, бразильские журналисты, итальянские и французские певцы — все, кто собрался 6 августа на «Наш вторник» в редакцию «Литературной газеты».

Молодой журналист Джордж Акуа из самого молодого государства в мире — Ганы — прочел свои стихи:

Нужно похоронить все междуусобицы, если мы хотим отстоять свою землю...
Ответом ему была песня молодого французского

композитора Жана Пьера Эбара. Песня называлась «Сын блочника». Солдат уходит на войну, такела дорога навстречу смерти, гнет плечи мертвый груз оружия. Тогда солдат поднимает на плечо вместо винтовки мешок с хлебом, и ноша эта легка...
На сцену вышли танцоры, приехавшие на фестиваль с острова Кипра, борющегося против колонизаторов. В их программе — национальные танцы «Каламатьянос», «Сиртос» и другие.
Мексиканский писатель и драматург Сархио Маганья и его друг, студент-юрист университета в Мехико, Хоакин Талавера исполнили знаменитую «Мерию Чучену» — народную шуточную мексиканскую песню. «Лос Мусяфрос», «Старуха» и другие.

Борец против колониальных войн французский писатель и журналист Анри Мартен встретился с норвежскими писателями Мартеном Негом и Финном Петтерсеном, американским журналистом Седриком Белфредом Бесседом и английским поэтом Питером Темпестом и президентом Между-

народного союза студентов чехом Иржи Пеликаном. Итальянский певец Кеза Гранда познакомился в этот вечер с румынскими писателями Петру Думитриу и французским писателем Жаном Шабролем.

Развернулись непростые беседы о литературе, искусстве, кино. Советские писатели, литературоведы и журналисты отвечали на многочисленные вопросы гостей.

«Вторник» в редакции «Литературной газеты» закончился далеко за полночь песнями, дружескими объятиями, обменом адресами и сувенирами. Чешские, румынские и итальянские журналисты, которым дирижировал бразильский нашумевший Вильсон Тиберио, пели нашу родную «Катюшу», облетевшую весь мир.

На верхнем снимке: члены делегации Индонезии Нани Йосоданграт и Мирьяти Сукарно, французский писатель Жан Пьер Шаброль, индонезийский писатель Рийоно Пракито, французский композитор Франсис Лемарк. На нижнем снимке: индонезийские школьники Мулянгингис, французский журналист Анри Мартен и журналист из Ганы Джордж Акуа.

Фото А. Ляпина
Рисунки А. Демущкина

Славный сын Украины

Натан РЫБАК

ДЛЯ НАС, советских людей, беспрестанно любящих свою многонациональную Родину, неизменно отстаивающих справедливость, свободу и мир, история — не только прошлое. Нет! В исторических событиях, в яркой летописи подвигов и деяний великих людей прошлого марксизм научил нас распознавать то главное, что связывает дела минувшего с нынешним веком. Вот почему по праву принадлежат нам подвиги многих поколений борцов за свободу Отчизны. Вот почему в сердцах наших и в памяти нашей бессмертны образы тех, кто верно и честно служил народу.

И для меня не было ничего удивительного в том, что в знойный июльский полдень пионерский отряд под бой барабанов и звуки фанфар возложил венки полевых цветов на холм в Субботове, где, по преданию, похоронен Богдан Хмельницкий. Юные пионеры, дети колхозников из окрестных сел, почтили память великого предка.

Надо ли говорить, что имя Богдана полвека в Украине особой любовью? Если мы обратимся к дням празднеств, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией, то легко убедимся, с каким искренним уважением и любовью все народы — братья нашей страны говорили о дальновидном и мужественном сыне Украины, который возглавил народное восстание и осуществил на исторической Переяславской Раде вековые мечты украинцев о воссоединении с великим русским народом.

6 августа нынешнего года минуло 300 лет со дня смерти Богдана Хмельницкого. Мне, писателю, который не один год работы отдал образу Богдана, который сроднился с ним, эта дата особенно дорога. И мне хочется еще и еще раз напомнить о выдающемся государственном деятеле — герое народных сказаний.

Три века — солидный срок для так называемого испытания временем. И дела Богдана Хмельницкого, все, совершенное его прозорливым умом, мужеством и непоколебимой волей на полях сражений и в краткие дни купленного дорогой ценой мира, выдержало это испытание.

В яркую и суровую историю украинского народа много незабываемых страниц вписано «последней черной», — так именovali в те годы простой трудовой народ, — черную, которую Хмельницкий общал превратить в казаков и, конечно, не сделал этого, но такую желанную пло вразрез с классово-природой гетмана. И, однако, в той великой народной борьбе, которая шла на Украине три века назад во имя изгнания с родной земли захватчиков, во имя спасения будущих поколений от татарско-шляхетской неволи, Богдан Хмельницкий сыграл слав-

ную роль. Он выражал заветные чаяния, волю этой самой черни и именно этим обеспечил себе поддержку всего украинского народа, а значит, и победу. Вот почему и поныне живут слова народных дум и песен о Богдане Хмельницком. В них, словно излучая от самого сердца исповедь, звучит неподкупная правда. Гетману воздается хвала за то, что он добивается воссоединения Украины с Россией.

Поставив перед собой цель воссоединить народ украинский с русским, он добивался ее осуществления со всем своим талантом полководца и государственного мужа. Став весной 1648 года во главе полских павов, Богдан Хмельницкий, как об этом можно со всей исторической строгостью судить по документам, решил сделать все, чтобы вывел Украину из подпольно-шляхетского ига и татарского произвола. Устами безыменного поэта народ воздал должное своему сыну:

Ой, Хмельницкий Богдане, гетьмане,
добрый розум твої лався,
Що короля і султана ти відцарував
та з Москвою навки об'єднав.

Самое слово «Москва» с того весеннего утра 1648 года, когда во главе еще малочисленного отряда повстанцев Хмельницкий вышел на путь отважной и суровой борьбы, — стало боевым паролем.

В тяжелых сражениях вынашивал Хмельницкий мысль о единении с русским народом. Он видел, что его мысль совпадала с заветным желанием народа. Многим королям и царям мысль Хмельницкого о воссоединении Украины с Россией была не по душе. Узнав о намерениях Богдана, недавно враждовавшие между собой лагеря нации вдруг обиделись. Пренебрегая войной во имя так называемого освобождения гроба господина, католический Ватикан объединился против Хмельницкого с мусульманской Портой. Но и этот опасный для Хмельницкого союз не заставил его отступить. Чтобы склонить его к отказу от «безумного замысла», ему сулили многие дары король польский, султан турецкий, хан крымский, король шведский, царь австрийский... Но Хмельницкий тем и не полюбил на своих предшественников гетманов, что, по выражению его современника, «не за блуду можно держался, а за народ». Недаром одному из своих полководцев он говорил: «Что мы без черни? Пустоцвет! А когда чернь с нами — мы сила!»

В первые годы восстания царство Московское не могло оказать Хмельницкому заметной помощи. Оно само было обесси-

лено войнами и непрерывными восстаниями крестьян. Кроме того, польские послы подталкивали бояр тем, что Хмельницкий «занимается с черной шкурой достойных именитых людей и многих шляхтичей высоких порешил, а маестности ихние с женками, чадами огню предаст». Напуганные восстаниями своей черни, бояре косо смотрели на дела Хмельницкого. Однако спустя год, когда стало очевидным, что все украинский народ поднялся за волю и веру, ближние царские бояре сменили свою тактику выжидания на активную помощь Хмельницкому.

Лишенный возможности дать отпор татарам, забравшим в ясыр мирное беззащитное население, Хмельницкий отдал распоряжение: всем старым людям, женщинам, детям уходить в русскую землю. На земле родных братьев находят спасение тысячи украинцев. Им отводят земли, выдают пособия солью и хлебом, не облагают налогами.

Давняя тяга обездоленного и измученного шляхетско-татарским игом посполитого люда в русские земли была правильно понята Хмельницким. Из этого понимания вытекало уверенность, что братский русский народ всегда протянет руку помощи Украине. И когда эта помощь пришла, Хмельницкий мог с уверенностью сказать: «Пусть знают теперь Варшава и Краков, Бахчисарай и Стамбул, пусть знают попы-исузиты, что отныне никто нам не страшен, что отныне едины мы с народом русским навеки».

Мы не склонны преувеличивать прозорливость Богдана Хмельницкого. Нельзя упускать из поля зрения его классовую природу, злость мировоззрения, присущего казачьей старшине, к которой принадлежал Хмельницкий. Но было бы архиверно, как это делали многие вульгаризаторы истории, считать Хмельницкого реакционером. Его прогрессивная роль в славной освободительной войне 1648—1654 гг. закончившаяся воссоединением Украины с Россией, несомненна.

В народе, как в несняканом родине, черпал Хмельницкий свои силы, свою решимость и веру. Вспоминаются слова Беллинского: «Богдан Хмельницкий был герой и великий человек в полном смысле этого слова».

И как героя и великого человека, отдавшего свою жизнь великой цели объединения двух братских народов, борющегося отважно и мужественно за их неразрывное единство, мы сегодня, спустя три века, вспоминаем Богдана Хмельницкого. Но история — это трудовой народ и те, кто честно и самоотверженно служил народу, достойны того, чтобы о них помнили и чтобы их чтыли грядущие поколения.

Под знаменем творческого марксизма

ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА мы, советские люди, вместе с многочисленными нашими зарубежными друзьями будем праздновать сороковую годовщину Великого Октября. Наследники славных революционных традиций, строители нового, коммунистического общества, с живым и трепетным интересом обращаемся мы сегодня к событиям, предшествовавшим тем незабываемым, накаленным революционной страстью дням, когда прозвучал оружейный выстрел «Авроры», возвещающий наступление новой эры человеческой истории; когда всю Россию и весь мир облетела вдохновенная ленинская слава: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...»

Среди исторических событий, подготовивших победу Октябрьской социалистической революции, выдающаяся роль принадлежит VI съезду большевистской партии. Он собрался ровно сорок лет назад в обстановке исключительно сложной, острой и до предела напряженной. В июльские дни 1917 года революционный рабочий класс потерпел временное поражение, а буржуазия, поддержанная меньшевиками и эсерами, одержала временную победу. Жестокие репрессии, обрушившиеся после июльских дней на рабочий класс и его партию, массовые аресты, погромы в редакциях и типографиях большевистских газет, бешеная травля большевиков, поднятая на страницах буржуазной печати, чудовищное клеветническое обвинение, сфабрикованное против воля революции Ленина, приказ о его аресте и предании суду — все это говорило о том, что период двоевластия, сложившегося в стране после свержения самодержавия, кончился, что власть забрала в свои руки контрреволюционная буржуазия. Обстоятельства сложились так, что дальнейшее развитие революции мирным путем стало невозможным.

Большевистская партия, фактически объявленная вне закона, вынуждена была перейти на подпольное положение. Большевикам предстояло трезво

К 40-летию VI съезда большевистской партии

разобраться в круто изменившейся обстановке, по-марксистски глубоко и правильно проанализировать и оценить ее, выработать задачи и тактику партии в новых условиях. Для этого и был созван VI съезд РСДРП(б). В историю нашей партии он вошел как съезд политической и организационной подготовки Октябрьской революции, как съезд, вдохновивший партию и рабочий класс на победоносное вооруженное восстание.

ПЕТРОГРАД. Выборгская сторона с ее пролетарским населением, все симпатии которого — на стороне большевиков. Здесь 8 августа 1917 года (по старому стилю — 26 июля) начал свою работу VI съезд нашей партии. Делегаты съезда — посланцы большевистских организаций Петрограда, Москвы, Сормова, Луганска, Харькова, Тулы, Риги, Ростова, Царицына, Урала, Кавказа и других городов и промышленных районов страны — представляли около 240 тысяч членов партии. За короткий срок — от Апрельской конференции до VI съезда — ряды большевиков выросли в три раза!

Съезд проходил в неординарных условиях, менял место своей работы. Сыщикам Временного правительства, хоть они, как говорится, «с ног сбились», так и не удалось обнаружить место заседания съезда и арестовать его участников. Пролетариат Петрограда действительно обегал съезд, оказывая ему могучую поддержку. В многочисленных приветствиях съезду коллективы рабочих, революционные солдаты и матросы выражали свою готовность бороться под знаменем ленинской партии за победу социалистической революции.

Ленин, преследуемый Временным правительством и надежно укрытый партией в подполье, не мог лично присутствовать на съезде. Но все съезд, от начала и до конца, проходил под его идейным руководством. Это особенно отчетливо видно, если сопоставить протоколы VI съезда и его резолюции с такими ленинскими статьями и брошюрами, как «Политическое положение», «Три кризиса», «Б лозунгам», «Уроки

революции», и другими, написанными после июльских событий. Эти произведения, особенно статья «Б лозунгам», изданная перед VI съездом Кронштадтским комитетом большевиков в виде отдельной брошюры, имели огромное, верное значение, решающее значение и для идейной подготовки съезда, и для направления всей его работы.

Сохранилась маленькая записка Ленина (она датирована августом 1917 года и была опубликована много лет спустя в XXI «Ленинском сборнике»), из которой явствует, что Владимир Ильичем для VI съезда были специально подготовлены и переданы в ЦК партии тезисы «О политическом положении». Резолюции, принимавшиеся съездом, предвзительно просматривались и редактировались Лениным. Он поддерживал самую тесную и постоянную связь с Центральным Комитетом партии и через ЦК осуществлял руководство съездом. Старый большевик Н. А. Емельянов, у которого в июле — августе 1917 года в Разливе скрывался В. И. Ленин, пишет в своих воспоминаниях: «К нему часто приезжали товарищи. Два раза был Сталин, несколько раз бывал Орджоникидзе. Невзгоды Владимира Ильича Давыдовича и Свердлов. Скрытый шалаш на берегу Разлива был полновесным штабом революции».

VI съезд партии большевиков единодушно избрал Ленина почетным председателем съезда и послал ему приветствие.

НА СВОИХ пятнадцати заседаниях съезд обсудил целый ряд вопросов. Главными из них были политический отчет Центрального Комитета и вопрос о политическом положении. По поручению ЦК докладчиком по этим вопросам выступил И. В. Сталин. Он изложил съезду ленинскую характеристику нового этапа революции, обосновал ленинские руководящие указания, определявшие задачи и тактику партии в борьбе за социалистическую революцию, за установление диктатуры пролетариата. Устапы троцкистов, перепугавшихся трудностей, которые встали перед партией в борьбе за завоевание власти, выступила на съезде против ленинской линии партии на пролетарскую революцию, против обогащения марксизма учения Ленина о возможности победы социализма

ма первоначально в немногих странах и даже в одной, отдельно взятой, стране. Всячески цепляясь за букву марксизма, не понимая конкретных особенностей российской действительности, троцкисты пытались утверждать, что Россия якобы «не созрела», «не созрела» для социалистической революции, что судьбы нашей революции целиком находятся в зависимости от пролетарской революции на Западе. VI съезд дал решительный отпор этим капитулянтским теориям, пронакинутым неверием в творческие силы нашего рабочего класса.

Великий Ленин лучше всех видел и понимал, что именно в России в 1917 году в значительно большей степени, чем у какой-либо другой страны, были созданы благоприятные возможности для прорыва общей цепи мирового империализма, для победы социалистической революции. Основы капиталистической организации хозяйства России оказались чрезвычайно расшатанными империалистической войной и связанной с ней разрухой. Все больше росло недовольство народных масс политикой буржуазного Временного правительства, которое поставило страну перед угрозой экономической и национальной катастрофы. Спасли Россию от этой катастрофы могла только победа социалистической революции. Силы, способные одержать такую победу, у нас имелись: во главе движения шел закаленный в революционных битвах пролетариат, его массовым союзником выступало беднейшее крестьянство. Имелось и такое решающее условие победы, как наличие у пролетариата полновесной революционной партии, партии нового типа, вооруженной передовой марксистско-ленинской теорией. 19 докладов с мест, заслушанных VI съездом, показали огромный рост влияния большевистской партии в массах. Так, сама жизнь, революционная действительность тех дней опровергнули все доводы троцкистских маловеров и капитулянтов.

На съезде был дан отпор и враждебной вылазке Бухарина, стоявшего в вопросе о движущих силах революции на троцкистских позициях. Съезд осудил и отменил его клеветническое утверждение, будто крестьяне настроены оборончески, находятся в блоке с буржуазией и за рабочим классом не пойдут. Возражающие Вхатини депутаты съезда справедливо квалифицировали его взгляды как ревизионистские, капитулянтские, представляющие собой отход от марксизма-ленинизма. В своих речах VI съезд партии с особой силой подчеркнул невоз-

можность ленинского положения о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, видя в этом союзе важнейшее условие победы социалистической революции.

Принятым съездом экономическая платформа партии, резолюции о профессиональных союзах, о пропаганде, о союзах молодежи и другие были подчинены одной цели — сплочению всех революционных сил и подготовке их к вооруженному восстанию.

VI съезд обсудил доклад Г. Б. Орджоникидзе о том, надо ли избывать Ленина на суд, который пыталась устроить над ним контрреволюция. Известно, что еще до съезда Каменев, Рыков, Троцкий и некоторые другие говорили о необходимости для Ленина предстать перед судом, чтобы публично снять брошенное им обвинение. Споры по этому вопросу имели место и на самом съезде. Для большинства руководящих работников и рядовых членов партии было совершенно ясно, что явка Ленина на суд в обстановке разгула контрреволюции выльется в физическую расправу над Владимиром Ильичем. VI съезд единогласно отверг точку зрения сторонников явки Ленина на суд и выразил гневный протест против возмущительной травли вождя партии.

От имени съезда вновь избранный Центральный Комитет обратился к манифестом ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России. Глубокой и непоколебимой верой в революционные силы народа, в близкую победу социалистической революции были проникнуты пламенные слова этого манифеста. В нем говорилось, что в решающую схватку с капитализмом «наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонилась их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она вперед будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов... Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетариата и солдат! Под наше знамя, ответственные деревни!»

КОГДА СЕПЧАС мы обращаемся к материалам VI съезда, наше внимание особенно привлекают две черты, пронизывающие всю его работу, черты, бесконечно дорогие нам и сегодня.

характерные для всей деятельности Коммунистической партии.

Это прежде всего — ленинская принципиальность, ленинская непримиримость ко всякому рода идейным шатающим, оппортунистическим, ревизионистским вылазкам. Вся история нашей партии есть история борьбы за идейную чистоту марксистско-ленинского учения, за монолитное идейное и организационное единство партийных рядов. В этой борьбе партия укрепляет свои силы, повышает свою боеспособность.

И вторая черта — VI съезд партии прошел под знаменем живого, творческого марксизма. Съезд отстоял ленинское учение о возможности победы социалистической революции в нашей стране, отбросил отжившие, устаревшие представления дилетантов от марксизма, и в этом — его неопределимая историческая заслуга.

Творческий подход к марксизму-ленинизму, творчески смелое применение его в соответствии с изменяющимися конкретно-историческими условиями — вот что всегда обеспечивало и обеспечивает нашу партию, ленинское по духу, полновесное решение сложнейших вопросов руководства страной, делом коммунистического строительства.

И какими же жалкими выглядят в этом свете участники недавно разоблаченной антипартийной группы — Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов — с их ничтожеским, безжизненным подходом к марксизму-ленинизму, с их непониманием марксизма-ленинизма в действии в современных условиях!

Через три месяца после того, как VI съезд партии закончил свою работу, литейские пролетарии-красногвардейцы, революционные солдаты и матросы бросили в лицо министрам буржуазного Временного правительства: — Которые тут временные? Слава! Кончилось ваше время.

В России победила социалистическая революция. И это явилось самым убедительным подтверждением глубокой правильности тактики, выработанной VI съездом, подтверждением правильности всех его решений, их огромного исторического значения для судьбы нашей страны, подтверждением величайшей жизнеутверждающей силы марксизма-ленинизма.

В. КОСОЛАПОВ

УЧИТЕЛЯ

Мы пришли В солдатских сапогах. Сбит каблуки, Зубо уверил шаг. Пуст карман. Зато полна душа. Есть тетрадь Да два карандаша.

Новые стихи

МАЯКОВСКИЙ И КЛОП

Владимир Маяковский нахмурил брови, Морщину в раздувые высылки лоб. И цвета спелой вишни — завидное здоровье! — Подполз к его портрету стеновный клоп.

И полон нежной ласки клопный ваз. — Забудьте, что кусал вас покойный пап, У старика, к несчастью, был узкий кругозор.

А я — я сам с супругой ходил на вашу песку. Все так оригинально: за актом акт... А этот декоратор! Ах, сколько блеску! А этот протехник! Он гений — факт!

Я буду рецензентом. Какое счастье! А главное, друг-автор, вам доложит спешу: «Владимир Маяковский — обвинитель мещанства».

Вот тема диссертации, что я пишу.

В восторге от работы румяная супруга И малые клопята, что тоже есть хотят. Прошу, благословите! Услуга за услугу! В ответ сверкнут из рамки недобрый взгляд.

Как дунул Маяковский — на стенке пусто, Не слышно мягких, нежных клопных фраз. — Товарищи потогонки, не жалейте дуста! — Псышались из рамки знакомый бас.

Об исторических подвигах Народно-освободительной армии Китая, нанесшей сокрушительный удар международному империализму и разгромившей внутреннюю реакцию, сложены песни, написаны романы, повести, рассказы, бесчисленные очерки, корреспонденции. Несколько книг выпустило Военное издательство Министерства обороны Союза ССР.

«Битва за Яньань» — роман молодого китайского писателя Ду Пен-чэна — воскрешает страницы истории героических сражений на северо-западе страны в 1947 году. Перед читателем встает грандиозная картина боев в районе Яньани, где Народно-освободительная армия, руководимая Коммунистической партией, в неравных и тяжелых схватках с врагом одержала одну из своих блестящих побед.

КНИГИ О ГЕРОИЧЕСКОЙ АРМИИ КИТАЯ

Воскрешает страницы истории героических сражений на северо-западе страны в 1947 году. Перед читателем встает грандиозная картина боев в районе Яньани, где Народно-освободительная армия, руководимая Коммунистической партией, в неравных и тяжелых схватках с врагом одержала одну из своих блестящих побед.

Воскрешает страницы истории героических сражений на северо-западе страны в 1947 году. Перед читателем встает грандиозная картина боев в районе Яньани, где Народно-освободительная армия, руководимая Коммунистической партией, в неравных и тяжелых схватках с врагом одержала одну из своих блестящих побед.

Воскрешает страницы истории героических сражений на северо-западе страны в 1947 году. Перед читателем встает грандиозная картина боев в районе Яньани, где Народно-освободительная армия, руководимая Коммунистической партией, в неравных и тяжелых схватках с врагом одержала одну из своих блестящих побед.

ПЕСНЯ О ПРОМЕ

В серии «Библиотека солдата и матроса» вышла книга, написанная офицерами, полкратовскими, военными журналистами и писателями, прошедшими суровую школу армейской жизни. Это — эпизоды о боевых походах, рассказы о мирных днях и воинской учебе, о постоянной и неравной борьбе китайского народа с его армией-защитницей.

С ПОЗИЦИЙ ПАРТИЙНОЙ ПРИНЦИПАЛЬНОСТИ

ЖИВОЕ ДЕЛО советской литературы сегодня, как никогда, требует особой четкости идейных позиций — от каждого писателя, а тем более от каждого из наших литературно-художественных и общественно-политических журналов, призванных организовывать и направлять литературное развитие. Отсутствие такой ясности в деятельности молодого журнала «Москва» и породило среди читателей ту серьезную тревогу, отражением которой явилась опубликованная недавно в «Литературной газете» статья И. Кремлева «Заметки о журнале «Москва» (см. номер от 11 июля). Стремлением по-деловому помочь коллективу журнала определить его идейные и художественные позиции, исправить допущенные им ошибки было проникнуто и состоявшееся на днях обсуждение шести номеров «Москвы» на расширенном заседании секретариата Союза писателей.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «МОСКВА» В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вот тема диссертации, что я пишу. В восторге от работы румяная супруга И малые клопята, что тоже есть хотят. Прошу, благословите! Услуга за услугу! В ответ сверкнут из рамки недобрый взгляд.

ЖИВОЕ ДЕЛО советской литературы сегодня, как никогда, требует особой четкости идейных позиций — от каждого писателя, а тем более от каждого из наших литературно-художественных и общественно-политических журналов, призванных организовывать и направлять литературное развитие.

Трудная молодость

НА ФЕСТИВАЛЕ мы из дня в день движемся, словно между гигантскими вальсующими зернами; все новые и новые делегации воздвигают их перед нами. И в зеркале их искусства перед нами как бы оживились лица народов мира — во всем свеобрании их исторических судеб, во всей напряженности волнующих их мечтаний и надежд, идеалов и стремлений.

Обзор отважно заглянул в пропасть, куда все неотвратимо сползает его герой, трезво оценил все сильные и слабые стороны в характере Джима. Пьеса «Огнянис во гнев» написана человеком, остро чувствующим трагизм положения значительной части современной английской молодежи.

Много ждали читатели и литераторы от нового журнала, родившегося в такое величественное и сложное время, журнала, носящего гордое имя «Москва». Я думаю, что именно он станет одним из боевых органов Союза писателей СССР, думали как о журнале, «единственном в нашей большой литературной практике, рассчитанном на преисполненное освещением проблем русской советской литературы и показе ее неограниченных возможностей. Так, — подчеркнул в своем выступлении на заседании А. Сурков, — был задуман этот журнал, так он и должен был развиваться.

Дополняя обзор, сделанный Б. Сучковым, выступившим на заседании И. Сталинского, остановившись на ряде произведений «Москвы», связанных с армейской тематикой.

Сигналы о неблагополучии в редакции и редколлегии нового журнала секретариат Союза писателей воспринял до сих пор весьма своеобразно: там шли по линии примирения совершенно полярных, непримиримых взглядов на практику ведения журнала.

Сигналы о неблагополучии в редакции и редколлегии нового журнала секретариат Союза писателей воспринял до сих пор весьма своеобразно: там шли по линии примирения совершенно полярных, непримиримых взглядов на практику ведения журнала.

Какие же произведения определили лицо журнала в минувшем полугодии? Следует отметить единство мнений на этот счет подавляющего большинства участников обсуждения. В шести номерах можно найти ряд удачных произведений. Это — очерк Н. Михайлова «Иду по меридиану», проникнутый живым чувством патриотизма, вдумчивым отношением к увиденному, зоркостью наблюдений и содержательностью мыслей. Со знанием дела написаны очерки А. Аграновского, О. Писаревского, А. Смирнова-Черкезова. В них ощущается стремление авторов разобраться в сложных процессах, происходящих в нашей промышленности и в науке, желание помочь устранить имеющиеся недостатки. Это и рассказы А. Борзаковского «Седая чайка», и отдельные стихи видных наших поэтов, в которых отразился поиск новых тем и новых форм гражданской лирики.

Анализ причин, породивших столь серьезные недостатки в работе журнала, имеет принципиальное значение. С самого начала редколлегия «Москвы» предала забвению собственные обещания, декларированные ею в первом номере журнала. В статье «От редакции» были сказаны справедливые, обнадеживающие читателя слова: «Сила нашей литературы в том, что она живет идеями, идеями трудовых масс, выражает их идеалы, чаяния, волю... Журнал «Москва» широко предоставляет свои страницы произведениям, поддерживающим новое в его борьбе со всем косным, выживающим. Редакция видит свою задачу в том, чтобы на страницах журнала во весь рост встал советский человек — создатель, главный герой литературы».

Какие же выводы для себя сделали редакция журнала «Москва» и его главный редактор Н. Атаров? Судя по всему, и главный редактор, и его заместители Б. Евгеньев не поняли и не приняли справедливой критики, которая прозвучала в адрес журнала.

В своем выступлении он подверг критике повесть А. Валцовой, рассказы И. Лаврова, Н. Соколовой, особо отозвался на недостатках двух произведений К. Симонова. «У меня есть серьезные претензии к Симонову... Вместо романа писатель дает куски из него, называя их повестями. И мне кажется, что не следовало бы это делать писателю с такой серьезной репутацией, как Симонов. Это плохой пример молодым литераторам».

Джон Осборн довольно четко понимает общественные причины, породившие этот усталый и тусклый пессимизм. «В нем американизм, — говорит Джим, — жить страшно скучно, если, конечно, ты сам не американец». И мысль эта в разных вариациях потом прождит через всю пьесу.

Успех спектакля у зрителей фестивала с Уэнди Уильямс дружно делит Аллан Бейтс (обаятельный, сердечный Клиф), Виввен Драммонд (Элен) и особенно Ричард Паско, играющий роль Джима Портера. Впрочем, в его умном и отчетливом исполнении есть один существенный недостаток. Ричард Паско глубоко проникся тем чувством разрастающегося отращения, тем все нарастающим и нарастающим скепсисом, с которым Джим Портер обороняется от отступающей его со всех сторон действительности. Но тоска о любви, о положительном идеале, об иной жизни зазвучала в его игре еще слабее, чем даже она звучит в тексте пьесы.

Во всех странах мира ширится борьба народов за прекращение испытаний и запрещение атомного и водородного оружия. На фотоснимках: сверху — демонстрация жителей Лондона, протестующих против испытаний водородной бомбы; внизу — одна из массовых демонстраций японских трудящихся, вышедших на улицы Токио с требованием запретить ядерное оружие. Снимки из английской газеты «Дейли уорнер» и итальянского журнала «Лаворо».

ИЗ ГОРОДА ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

Вернувшись в начале года из Индии, где происходила конференция писателей азиатских стран, я проехал через Бирму на родину остановившись в Куньмин. Это было во время Праздника весны, и я был глубоко взволнован, оказавшись в кругу молодежи, заполнившей Куньмин — этот зеленый город, где зимой цветут камелии. Мои чувства, вызванные этой чудесной встречей, запечатлены в стихотворении «Из города Вечной Весны», которое я посвящаю юности всего мира, празднующей сейчас в Москве свою новую славную встречу.

О, Куньмин, Куньмин, певца нас!
 город Вечной Весны! Я в раздумье:
 Такова уж в Куньмине грустна она ли?
 у чудесного города природа: Нет!
 все четыре дня красны — Окончилась песня
 времена года. ...А девушка, в расцветный час —
 Я с горы «Пять цветов» пронесся в зале.
 оглядел в ту ночь не увидишь от испытаний,
 этот город улыбалась волшебный
 Десять тысяч домов с зарею ранней... весенний ток,
 огоньками девушки, улыбалась
 ночного света. Твое сердце сильней неустой!
 ...Сотни радостных пар На китайской земле
 танцевали вокруг — в обновленном краю
 молодые друзья и подруги. ...Вечер тот что значит счастье!
 Но слепой была одна из подруг — А мой слух согрет
 соловей на цветущем юге. Незабвенной вовеки песней.
 В белом платье она напевала в лад
 бесконечно счастливым парам. Нежный голос ее
 Нежный голос ее всех милей усад,
 трепетала жаром. И душа трепетала
 Трещала она, как под ветром лист, как трещет
 во сне ребенок. Нежный голос ее
 был, как небо, чист и, как детская песня,
 звонил.
 Песню юных сердец я забыть не могу,
 в этой песне — душа Китая!
 ...И вела за собой она
 всех в круг, над Куньмином
 в ночи витая.
 ...Нет, не видит, конечно,

Авторизованный перевод с китайского Михаила ВЕРШИНИНА.
* Куньмин — столица юго-западной провинции Китая Юньнань.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

НЕПАЛ Сидхи Чаран Срест:

Непальская литература развивается в духе реализма

М в гостях у одного из виднейших непальских писателей, приехавшего к нам из далекого города Катманду. На визитной карточке, которую протягивает нам смуглый худощавый человек в круглой высокой шапочке, непомнящейся феску, написано: «Руководитель делегации Непала Сидхи Чаран Срест, поэт, член Академии искусства и литературы».

Сидхи Чаран Срест охотно отвечает на наши вопросы, рассказывая о литературе Непала.

— Около ста пятидесяти лет назад наш великий поэт Бханубхатта создал свою выдающуюся эпическую поэму по мотивам древнего индийского эпоса «Рамаяна». С этого времени, — говорит Сидхи Чаран Срест, — ведет свое летоисчисление новая литература. Она создается на языке непали — литературном языке нашей страны на протяжении последних столетий.

У Бханубхатты было немало последователей. Я называю здесь лишь виднейших из них, это — Моти Рам Бхатта, Раджиба Лохан Джоси и Самбу Рам Шарма. Они известны большими поэмами, написанными на религиозные темы или же на мотивы народных легенд и преданий.

— Расскажите, пожалуйста, о современной непальской литературе.

Ее возникновение и расцвет связаны с именем Леха Ната Пудюала. Его первые произведения появились пятьдесят лет назад. Лех Нат Пудюал, старейший из ныне живущих непальских писателей, выступает в различных жанрах — и как поэт, и как прозаик, и как драматург.

Тематика его произведений? Он написал много стихотворений о природе, в которых показал себя тонким лириком. Лех Нат Пудюал — автор нескольких эпических религиозных и социально-общественного содержания. Вместе с тем они касаются важных проблем современной действительности Непала. Эта особенность драматургии Леха Наты Пудюала становится все по-настоящему, если я напомню, что до начала пятидесяти годов — до свержения самодержавия правителя Раны — наша литература, искусство, общественная мысль находилась в очень трудных условиях. Гонения на передовых писателей, жесточайшая цензура, судебная расправа с каждым, кто осмеливался говорить о необходимости реформ, — вот что было характерно для нашей действительности недавнего прошлого. Мне довелось на себе испытать тяжесть положения непальских писателей: за свои стихи я был осужден на восемь месяцев лишения свободы.

— Непальская литература, — говорит Сидхи Чаран Срест, как бы подошла итог своему рассказу, — развивается в духе реализма. Мы просим нашего собеседника назвать нам наиболее значительные из литературных журналов, выходящих в Непале. Нас интересует также, какие из книг русских классических и советских авторов популярны в его стране.

— Наши крупнейшие журналы — «Прогресс» («Прогресс»), выходящий раз в три месяца, и «Дхарати» («Искусство»), издающийся раз в два месяца. Нашим читателям известны многие произведения русских классических и советских писателей по переводам на английский язык и на хинди. На язык непали пока что переведены книги лишь двух авторов. Это Лев Толстой и Максим Горький, который особенно популярен в нашей стране. Мы задаем Сидхи Чарану Сресту последний вопрос: — Расскажите, пожалуйста,

Эхиозе Эдиз: У Африки — древняя цивилизация

Г ОРОД Бенин, в котором я родился, со всех сторон окружен тропическими джунглями. Это один из самых древних африканских городов, уже в XVII—XVIII веках поразивший европейский путешественников своей архитектурой. Сам я по национальности бенин, и поэтому мне очень дорого все, что связано с историей культуры моего народа. Об этом я готов часами рассказывать. — говорит нам молодой нигерийский журналист Эхиозе Эдиз.

— Вы говорите, что в Бенине существовала древняя цивилизация? — Да, существовала. Это один из самых древних африканских городов, уже в XVII—XVIII веках поразивший европейский путешественников своей архитектурой. Сам я по национальности бенин, и поэтому мне очень дорого все, что связано с историей культуры моего народа. Об этом я готов часами рассказывать.

— Каким образом? — Главным образом на английском. В столице Нигерии Лагосе издаются крупные газеты «Дейли таймс», «Эст-Африкан плейтос» и «Дейли сервис». Кроме того, там же выходит ежедневная газета «Ифран Юрба» на языке юрба, а северной Нигерии издаются газета «Аскария» («Гражданин») на языке хауса.

— Каким образом? — Главным образом на английском. В столице Нигерии Лагосе издаются крупные газеты «Дейли таймс», «Эст-Африкан плейтос» и «Дейли сервис». Кроме того, там же выходит ежедневная газета «Ифран Юрба» на языке юрба, а северной Нигерии издаются газета «Аскария» («Гражданин») на языке хауса.

ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

Человечность

Гунар ХЕЕРУП, датский музыкант, член жюри Международного конкурса любительских хоров на фестивале

В МОСКВЕ видишь, как новое вытесняет старое. Крупные городские строения подавляют провинциальные дома. На улицах — неосторожные пешеходы и осторожные автомобилисты. Это смешение старого и нового показывает, что Москва — живой, растущий человеческий организм. Я надеюсь, что Москва никогда не утратит присущей ей человечности.

В Дании мы столкнулись со злобной пропагандой в адрес Советского Союза и VI Всемирного фестиваля. В Москве же мы встретили настоящую человеческую любовь к другим людям и быстрое через край стремление помочь нам всем — зарубежным друзьям. Мы нашли здесь не только любовь, но и волю к миру.

Русской музыке принадлежит видное место в общечеловеческой культуре, а русские музыканты, танцоры и певцы обладают ни с чем не сравнимым мастерством.

Приятнее на вкус то яблоко, что висит выше всех других и до которого поэтому всего труднее добраться. Оно намного вкуснее того яблока, что вложит тебе в рот другие. Я надеюсь, что русские композиторы будут создавать не только музыку, столь же непосредственно понятную и приятную народу, как сахар и шоколад, но и такую музыку, для понимания которой люди должны делать известные усилия. Это будет способствовать развитию художественного вкуса людей и расширению их кругозора.

В Москве я прежде всего хочу поздравить советский народ. Меня интересует и то, как живут советские люди, и то, как они проявляют себя по отношению к представителям многочисленных других наций,

посещающих Москву. Я люблю русское искусство во всех его видах. Мне хотелось бы научиться здесь еще более глубоко понимать это искусство. Я надеюсь также, что узнаю в Москве многое такое, что я затем смогу использовать в своей работе на родине в целях обогащения культуры моего отечества.

Участникам VI Всемирного фестиваля я желаю научиться любить друг друга. Пусть отдельные юные пары выразят друг другу свою любовь поцелуями и словами ласки. Но еще важнее научиться любить друг друга сердцем и умом, с глубоким пониманием того, что человечество в наши времена едино, а мир неделим, что любовь и дружба — это единственное, к чему должно стремиться человечество, и что люди не имеют права использовать хотя бы один-единственный атом для создания атомного оружия и атомных взрывов.

— Расскажите, пожалуйста, о современной непальской литературе. Ее возникновение и расцвет связаны с именем Леха Наты Пудюала. Его первые произведения появились пятьдесят лет назад. Лех Нат Пудюал, старейший из ныне живущих непальских писателей, выступает в различных жанрах — и как поэт, и как прозаик, и как драматург. Тематика его произведений? Он написал много стихотворений о природе, в которых показал себя тонким лириком. Лех Нат Пудюал — автор нескольких эпических религиозных и социально-общественного содержания. Вместе с тем они касаются важных проблем современной действительности Непала. Эта особенность драматургии Леха Наты Пудюала становится все по-настоящему, если я напомню, что до начала пятидесяти годов — до свержения самодержавия правителя Раны — наша литература, искусство, общественная мысль находилась в очень трудных условиях. Гонения на передовых писателей, жесточайшая цензура, судебная расправа с каждым, кто осмеливался говорить о необходимости реформ, — вот что было характерно для нашей действительности недавнего прошлого. Мне довелось на себе испытать тяжесть положения непальских писателей: за свои стихи я был осужден на восемь месяцев лишения свободы.

ДОРОГИ ИСКАНИЙ

РАЗГОВОР начался гораздо раньше, чем была написана эта статья. Он начался в просторных помещениях выставочных павильонов Центрального парка культуры и отдыха имени Горького — там, где мы с удивлением увидели в экспозиции, тематическую выставку, посвященную в своих идеях столкновениям жизни. Международной выставки изобразительного искусства.

Да и сейчас воле стенов, перед полотнами, наверняка идут постоянные споры о путях развития искусства. Вечно живое, неунывающее, вечно юное искусство является не только средством познания, но и могучим воспитателем человеческой души. Оно может заставить мечтать о прекрасном, может вызвать в душе трепетное чувство любви и нежности, оно может заставить человека негодовать и ненавидеть. Оно, искусство, попав в недобрые руки, может пробудить в душе человека что-то темное, болезненное.

Куда ведут эти ручьи? В застоялое болотце личных и мало кому интересных переживаний? В тесный и душно пахнущий мирок болезней души или в светлый подлинный мир?

Почему молодые художники Польши, так воинственно выступавшие на предыдущем фестивале с огромной выставкой модернистского искусства, не пожелали сегодня показать свои работы? Как случилось, что японская живопись утратила живую связь с прекрасными традициями искусства своей страны?

Ответы на вопросы не могут быть найдены сразу. Они «выкипываются» в открытых спорах, в столкновении идей. Трудно отрицать, что Международная выставка изобразительного искусства — событие в жизни мирового искусства. Еще был живы сорочья страсть, гравюр и рисунков сосредоточилось здесь в одном месте. Здесь все равны сегодня перед общественным мнением. Страны размещены по алфавиту. Всем хватает стенов и солнечного света. Отчитывайся, показывай и убеждай, если можешь и хочешь!

На этом гигантском по своим масштабам форуме молодого искусства мира, не предвещающая окончания спора, а продолжающая его, можно уже сделать некоторые выводы и обобщения.

Первое и основное, что необходимо отметить: это стремление подавляющего большинства художников показать жизнь в ее подлинном отражении, показать человека в суровой его красоте. Нельзя не остановиться около полотен бельгийского художника Компиля Роже «Шахтер из Лорена» и «Минута отдыха». Смелые краски, четкая композиция.

Привлекает внимание огромное полотно болгарского художника Петра Михайлова — «Лейпциг. 1933 год». Художник изображает Георгия Димитрова во время лейпцигского процесса — непреклонного, собранного, сурового, противопоставляя ему стадо мечущихся сулей в красных мантиях.

Трагическое впечатление производит картина британского художника Артура Харфина «Ну-лус-клан». Есть что-то средневековое не только в манере рисунка, но и в страшном инквизиторски-беспощадном сюжете картины: распаленные молодчики в белых балахонах, прибывшие на сверхсовременных лимузинах, вешают негра.

Прекрасна бронзовая фигура юпоши с косой венгерского скульптора Шомоди Арпада.

Полны суровой правды работы аргентинцев: Анны Бриес, Вито, Элиды Бонет. Гравюры Южной Америки всегда потрясают своей силой и убедительностью — аргентинские гравюры еще раз подтверждают это.

Но, пожалуй, дыхание времени больше всего коснулось искусства Египта, опалив его огнем Порт-Саида. Мы впервые знакомимся в такой широкой степени с разнообразным искусством этой большой страны, борющейся за свою свободу. Здесь есть барельефы из кованицы меди, мозаика из дерева, аппликация из материи, эмаль, деревянные и гипсовые скульптуры и даже живописная работа, которая чем-то напоминает нашу древнюю иконопись. Это картина «Мир», которую исполнил на золотом фоне художник Салим Мохамед Али. Сколько экспрессии и подлинной трагичности в тех работах самодельных и профессиональных художников Египта, которые непосредственно связаны с битвой египетского народа за Порт-Саид. Вот она, живая связь жизни и искусства.

Поразительное впечатление своей гневной реалистичностью оставляют прекрасные гравюры Николааса Манусиса, посвященные борьбе за свободу Кипра. Греческий художник поднался до больших высот обобщения.

Темам труда посвящены работы художников Румынии. Они хотят подчеркнуть в картинах и скульптуре власть человека над своим будущим, силу его и радость жизни. Такова скульптура Флорина Иоана «Земля принадлежит е труженникам». Таковы картины Времира Мирчи «Лесозаготовители» и Салиштяну Иона «Плотовщики».

Из огромного количества итальянских полотен, представляющих на Международной выставке два объединения художников — Итали и Венеция, хочется отметить весьма заинтересовавшие меня полотна Де Стефано Армандо — «Обнаженная Мария». Сколько силы, подлинной красоты, смелой свободы в фигуре этой молодой девушки. Жаль лишь, что художник остался так равнодушен к лицу Марии. Нельзя не сказать несколько слов еще о двух интересных по замыслу и выполнению картинах: Аттарино Уго — «Площадь Навона» и

Дагганна Джузепе — «Девятая годовщина во Фриули». И то, и другое произведение, написанные по-разному, в манере одной и той же смелости, передают значительное содержание, а потому и не оставляют зрителя безразличным.

О графике Мексики можно говорить очень много. Родившись в последние годы, она утвердила себя и создала целую школу прогрессивных последователей. Волевым, эмоциональным, глубоко реалистическим она заставляет задуматься о судьбах простых людей. Отличная графическая работа Мехика Адольфо «Свобода слова». Грубой цепью замкнул человеческий рот — что может быть выразительнее! Специально хочу остановиться на перовоклассных работах молодой мексиканской художницы Андреа Гомес, прибывшей на фестиваль. Глядя на эту тихую черноволосую скромную девушку, невозможно поверить, что ее руками созданы такие работы, как «Мать против войны», и ряд других. Ученый знаменитый Ривери, она заканчивала образование в Италии и Франции, но дух мексиканского реализма она привнесла в свои работы.

Говоря о животворных традициях народного искусства, в первую очередь вспоминаешь о прекрасной выставке, представленной китайскими художниками. Любому, кто спорит по вопросу преемственности национальных традиций, хочется показать святки китайских художников, выполненные в дивной традиции Гоуха. А как хороши картины корейских художников, вышитые тончайшими шелковыми нитями. Диву даешься, созерцая плоды кропотливой работы — на создание картины подобным методом нужны многие и многие месяцы.

Радует творчество чилийских молодых художников. Картины Кармен Сересады и Педро Лобоса овеяны подлинным вдохновением. Это своеобразная южноамериканская школа реализма, сближающая творчество Мексики, Аргентины и Чили. Картины лаконичны, но они полны смысла.

Французские молодые художники на выставке представлены широко. Среди них есть люди, творчество которых близко моему сердцу. Нам кажется интересным полотно Поля Колмба «Персонажи». Вероятно, на полотне изображены муж и жена. Женщина беременна. На лице ее столько торжественной грусти, тревоги и радости что заново проникаешься уважением к светлослову «материнство». Интересен «Пейзаж Эймуты» Симоны Датт.

Зачем потребовалось вам, Джузепе Гуеррески, превратить в чудовище-вампира Анну Франк, наделив ее омерзительными чертами?

Что заставило вас, художник Япония Икеда Тацуо, Казуми Исибаси и Фудзие Цуиси, отрешиться от реальной жизни и уйти в чудовищный мир бредов и кошмаров?

Мы знаем: искусство должно быть оригинальным. Но нельзя же во имя оригинальности терять то главное, основное, что составляет смысл искусства, его силу, его плоть и кровь. Во имя чего вы рисуете? Француз Жан Девас создает композицию из пластмассовых яттен, называя ее «Золотое руно». Итальянец Энцо Брунори называет композицией мешанину цветных яттен. Швед Аллсен Бу наклеивает на полотно газетные вырезки, этикетки, этикетки для зубной пасты и считает это искусством. Финн Нордстрем Ларс Гунар рисует кубики с громким названием «Непривлекательность». Эти произведения — враждебны ясности разума, голосу чувства. А ведь искусство в первую очередь должно уважать человека. Искусство должно уважать мир, в котором живет человек. Оно должно быть прекрасным.

Падаль, горбуны, вампиры, высокопарно называемые «пространства», в которых человеку предлагается жить, не сфера для настоящего искусства. Оно роется на волю, к свободе, к чистоте чувств, к незапятнанной любви, против старости до срока, против патологии и психопатии.

Международная выставка изобразительного искусства во всей полноте показала силу и слабость молодого искусства мира. Сила — в величайшей гуманности, в стремлении к светлым идеалам, любви, миру и счастью. Слабость — в желании запятнать авторитору показом грязи и мерзости, увести людей со светлого пути человеческого прогресса.

Мы, советские люди, верим в лучший путь искусства. Он побеждает на Международной выставке. Можно уверенно сказать: большинство молодых художников мира, верных правде жизни, с чистым дерзким творческим экстазом перед миллионами юношей и девушек всех стран.

Вас. ЗАХАРЧЕНКО